

Столь же часто появляется «червленый цвет», цвет кровавого вина, которое может стать и синим; это цвет крови, обогрившей траву и землю битв (4 раза); им окрашены «кровавые зори» и «багряные столпы»; ярко блестят «червленые щиты» (4 раза) и «червленый стяг».

Пейзаж блестит зеленым цветом травы и деревьев. Синим цветом — море, Дон и мгла, но река Сула блестит серебром. Сизые орлы и серые волки дополняют картину. Вся поэма пронизана блеском стали — харалуга, и он трепещет, как синие молнии. Реже встречается серебро, но белым цветом отливают горностаи, лебеди и гоголи и «белая чолка» стяга. Черный цвет дают траурная паполома, зловещий черный ворон, черные тучи, черная земля и темные берега Стугны.

Полихромия «Слова» не только декоративна, у нее есть символическое значение: напоминая преобладанием золота византийскую мозаику, она имеет драматическую функцию. Тьма затмения как будто продолжается в течение всего похода («два солнца померкоста», «Игорю утрпе солнца свет»); света нет и в рассказе о Всеславе. Но в третьей части солнце встает в плаче Ярославны и венчает своим ореолом возврат Игоря.

Столь же богаты и разнообразны слуховые эффекты. Все «Слово» «шумит и звенит» разными голосами, начиная со звуков труб, клика половцев, крика раненых, и особенно «пением копей», громом сабель, треском шлемов, звоном золота. Земля тутнет, земля стучит, трава шумит и «гром великий» гремит. В промежутках все время слышен язык зверей и птиц, особенно богатый: соловьи поют и щекочут, галки говорят, вороны грают, сороки трескочут, звери свищут, волки воют и лисицы брешут. Звериным образом «кличет Див», а раненые воины режут, как туры.

В анализе эпических формул и метафор автор отмечает постоянные эпитеты в духе народной поэзии и талантливое создание новых ярких эпитетов. Любопытно его наблюдение, что типичное славянское отрицательное сравнение (типа «то не снег и не лебеди белы, то шатер Асан-аги», восхитившее еще Гете) встречается в «Слове» лишь два раза: первый раз, когда поэт говорит в духе Бояна: «Не буря соколы занесе...», и в самом конце, в комическом разговоре двух ханов: «А не сороки встрокоташа...». В обоих случаях поэт пользуется этим приемом в духе пародии, что бросает свет на его отношение к народному эпосу, по мнению Поджиоли.

Анализ языка обнаруживает наряду с народными и книжные элементы, как в древнеиспанской литературе. В нем есть библейские выражения («на ниче ся години обратиша», «уныша градом забрала»); в нем есть элементы, указывающие на прямое или косвенное знакомство с византийской литературой, как например метафоры «мыслено древо», «жемчужна душа», действующие абстракции: «снесесе хула», «тресну нужда» и аллегория «Дева-обида».

Все это свидетельствует о стилистической и символической сложности «Слова» — этого гениального создания поэта-виртуоза, сумевшего сохранить гармонию между орнаментальным стилем и пророческим тоном.

По заключительным словам Поджиоли, «всем людям, способным почувствовать красоту героической песни, этот неизвестный царственный волхв поэзии приносит в дар золото, фициам и смирну отдаленной, но вероятно вечной эпопеи».

Эта восторженная, пожалуй, чрезмерно эстетическая оценка может сильно заинтересовать итальянских читателей, и в этом отношении можно приветствовать автора, с таким вниманием и таким энтузиазмом исполнившего свою трудную задачу.

Прекрасное знание русского языка и богатство итальянского поэтического языка помогли Р. Поджиоли дать отличный перевод, вполне отве-